

АЛЕКСАНДР МАЛИНОВСКИЙ

ПЛАНЕТА ЛЮБВИ

РАССКАЗ

Английский язык в нашем седьмом классе преподавал Петр Петрович Саушкин. Вообще-то он был учителем немецкого языка, который постиг, как мог, на фронте. Пригодилось. Кроме Петра Петровича учителей иностранного языка в школе не было.

Говорили, что английский выучил он после ранения, когда лежал в госпитале. Еще говорили, что служил Саушкин в разведке и имел контузию. То, что учитель контужен, видно было сразу. У Петра Петровича постоянно тряслись руки.

Часы с цепочкой он носил то в кармане пиджака, то в кармане светлой рубашки. И доставая их нетвердой рукой, всегда рисковал уронить. Все бы ничего, но он временами забывал, на каком языке говорит.

Так случилось и в этот раз. Учитель заговорил по-немецки, который половина из нас раньше учила. Но был-то урок английского.

Первым не выдержал Колька Ракитин.

— Во дядь Петя шпрехает! — громко, нисколько не стесняясь, удивился он. — А на каком языке говорить нам?

Учитель, не закончив фразу, перешел на русский:

— Ракитин, не мешай работать остальным, если тебе не интересно.

— Не... Не интересно! — звонко согласился Ракитин. — Зачем нам немецкий? Гитлер капут!

МАЛИНОВСКИЙ Александр Станиславович родился в 1944 году в селе Утёвка Нефтегорского района Самарской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности инженер химик-технолог. Прошёл путь от простого рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов. Доктор технических наук. Заслуженный изобретатель России. Автор десяти книг прозы и пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Самаре

И тут учитель, не вполне оценив характер Кольки, строго сказал, мотнув не совсем послушной рукой:

— Тогда марш из класса! Чтоб я тебя через минуту не видел! Фигляр!

Лучше бы учитель не говорил последнего слова “фигляр”. Да еще так презрительно.

Кольку оно задело. Он завелся. Сначала дернулся, но тут же, овладев собой, вежливо поинтересовался:

— Какой футляр?

Раздался смех. Кажется, учитель не расслышал, что сказал Колька. Но требовательности в голосе прибавил:

— Немедленно вон из класса!

— Ага, сей момент. Ван минуте, так сказать. Только засеку времечко!

Сказав так, Колька, поднявшись за партой, стал изображать, как Петр Петрович достает часы. Медленно, подергивая кистью, занес он правую руку так, как это за чем-то делал учитель, над головой, как бы приветствуя кого-то. Потом медленно и судорожно опустил ее к подбородку и тут быстро двинул вниз, и тотчас два пальца упали в оттопыренный карман рубашки. Вскоре пальцы вернулись из кармана и явили воображаемые часы.

В классе неуверенно захихикали, озираясь то на Кольку, то на учителя.

— А где футляр? — невинным голосом спросил Ракитин.

Артистичен Колька, но уж больно беспощаден. Петр Петрович, побледнев, бросился к ученику. А тот, будто ожидая того, легко перескочил на другой ряд парт.

— Выйди, я сказал! — визгливо пронеслось уже на заднем ряду.

Кольке не хотелось выходить. Но куда деваться. Он уже прыгал по пустым партам вдоль стены к раскрытому окну около учительского стола.

— Догоню, по стене размажу! — несло ему вслед.

Последняя фраза учителя явно была преувеличением физических его возможностей. Однако преследуемый решил избежать лобового столкновения.

— Пока! — приложив ладошку к виску, спокойно произнес Колька и выпрыгнул в палисадник.

Как ни странно, учитель английского, подойдя к столу, довольно спокойно продолжил урок. Большинство же из нас сидело, опустив головы. Переживали за Петра Петровича. Но и за Кольку тоже!

В тот день случился еще один “выгон”, как мы называли укоровившуюся манеру учителей выпроваживать из класса провинившихся.

* * *

Учебный наш день заканчивался географией. Ох, уж эта география!

Когда учительница географии Елизавета Кирилловна входила в класс, мне казалось, что являлась сама скука. Учительница была почти всегда в светло-коричневом строгом костюме. В белой блузке с большим отложным воротником. Глаза и волосы темные. Лицо бледное, малоподвижное. Даже не бледное лицо, а белое, без оттенков. И все непременно строгое: прическа, голос, взгляд.

И такая фамилия: Бескровная...

Мы уже начинали догадываться, почему она такая. “Она, наверное, в чем-то несчастна, — думали мы, — ей где-то в чем-то очень важном для человека не повезло”. Но мы не знали, в чем. Учительница была приезжая. Жила на квартире.

“Она отработывает положенный ей срок, — так понимали мы, — никак не дождет своего дня. А отработает — и исчезнет. Что ей такой здесь делать? Еще молодая, а у нас инвалиды кругом да старики... Мы ей в тягость, надоели, как горькая редька. И местные учителя, которые держат коров, овец. У них грубые руки и усталые лица. Они ей со своей жизнью неинтересны. Мы для нее как папуасы”.

Может, она нам казалась скучной от того еще, что было с кем ее сравнивать.

То ли дело учитель географии в восьмом классе Борис Григорьевич Курганов! Он давно — живая легенда в школе.

Он, как слон, добродушный и гороподобный, заслоняет всех, кто рядом. Выходит из учительской, и все преображается в коридоре. Пока он идет до нужного ему класса, успевают кого-то остановить и потрепать за чуб, кому-то погрозить пальцем.

А знаменитая его привычка: брать двумя пальцами за ухо! При этом он обязательно приговаривал что-то вроде:

— Что же ты, голубчик, ногти не постриг? Я тебе второй раз замечание делаю. Кумекаешь?

Он делал строгое лицо и пыхтел при этом. Казалось, вот-вот рассердится так, что мало не покажется.

А порой он ловил ухо провинившегося бедолаги всеми пятью пальцами, горстью, в которой могла запросто поместиться голова любого самого крутого любого нашего отличника. Не забывал он в такие моменты слегка покручивать ухо туда-сюда, для острастки.

Были у него и свои любимчики, которым он крутил ухо чаще остальных. Те, кто попадал под внимание Курганова, даже как бы гордились таким расположением учителя географии. У многих ребят в школе отцы не вернулись с войны. Не хватало мальчишкам мужского общения, потому и отзывчивы были на внимание взрослых.

Ребята из восьмого класса рассказывали нам, что учитель географии не требовал никогда на уроке тишины. Громко сам кашлял, сморкался в болтующий платок. Шуму больше было от него. Тишина устанавливалась как бы сама по себе, когда ей это надо было.

Когда же это случалось с задержкой, он мог искренне удивиться. Сказать что-нибудь такое:

— Что-то вы сегодня расшумелись у меня! Как индейцы у костра! А ты вот, вождь краснокожих, — он направлял свой огромный полусогнутый указательный палец на кого-нибудь из особо резвых, — угомонись, пятки обжечь можешь... Зря я тебе на прошлом уроке пятерку с плюсом поставил, под настроение попал...

Все замолкали, ждали, что учитель скажет дальше.

Нет, учитель географии в восьмом классе намного интереснее, чем у нас, в седьмом!

...Первым в тот день отвечать урок Елизавета Кирилловна подняла Женьку Карпушкина. Женька урок явно не выучил. Он пробовал что-то рассказать. Но ему это не удавалось. В классе воцарилась тягучая тишина.

И тут учительница задала наводящий вопрос:

— Что влияет на развитие географической оболочки? Я вам рассказывала про Вернадского. Кто он такой? Чем занимался, особенно в войну?

Женька молчал. Потом как бы пожаловался или попробовал удивиться:

— О Вернадском? Вы давно говорили. Это. Он был... Он про насекомые организмы всякие...

— Насекомые организмы? — повторила Елизавета Кирилловна. — Это как в огороде бузина, а в Киеве — дядька.

Карпушкин, поежившись, замолчал.

— Верзила какой, — вполне искренне удивилась географичка, — а двух слов связать не может! Не стыдно?!

Может, Карпушкину и было стыдно, но все равно он не помнил, кто такой Вернадский, да и при чем он здесь.

И тут поспешил на выручку друга отчаянный голубятник, хитроватый Витька Говорухин, по-уличному — Ширя:

— Елизавета Кирилловна! — он выпрямил высоко над головой свою длинную руку.

— Тебе чего? — спросила подозрительно учительница.

Витька встал:

— Мне это, надо очень...

Раздался сдавленный смешок: “Приспичило”.

— Не туда, куда думаете, дураки, — отреагировал, ни на кого не гля-

дя, Ширя. И, взглянув просительно прямо в лицо Елизавете Кирилловне, продолжил:

— Мне корову надо подоить. Мамка в поселок уехала. Катька с бетоном ждет.

Снова раздался смешок.

Кто-то с задней парты поинтересовался:

— Чью корову-то?

— Выдумываешь, чтобы выручить дружка своего, — это раз, — строго произнесла учительница. Мельком взглянув на Карпушкина, которому наверняка уже подсказали ответ, как бы мимоходом, что было обиднее всего, наставила нерадивого:

— А ты, если думалка есть, думай!

И уже Говорухину:

— А во-вторых, не бетон, а бидон! Ясно?

Витька нехотя сел, пробубнив:

— Меня Петр Петрович отпускал, а вы... бидон... И про Вернадского в учебнике нет.

Похоже, ему действительно надо было идти в стадо на дойку.

Вспомнив про Карпушкина, учительница спросила:

— Отвечать будешь?

Тот молчал.

Во мне смутно росло несогласие с происходящим. Словно кто-то толкнул меня. Негромко, но внятно я произнес:

— И чего она прицепилась? Женька — партизан еще тот! Не выдаст своих. Тем более Вернадского. Чем он занимался!

В классе раздался громкий, дружный хохот.

— Ватагин, встань! Вернадский — великий ученый, а ты паясничает!

Все ясно, веры в мою серьезность у нее не было никакой. И откуда взяты этой вере, если на предыдущем уроке, рассказывая у доски об открытиях европейцами Памира, Китая и намереваясь произнести имя великого итальянского путешественника Марко Поло, я ни с того ни с сего ляпнул: “Хрущев”. И остолбенел, не понимая самого себя. С чего бы это? Зачем здесь эта фамилия? Ее на радио хватает.

Хохот в классе был посильнее сегодняшнего. Но материал я знал и получил в тот раз четверку. Сейчас под грозную команду учительницы я встал.

— Что ты себе позволяешь? Шутовство на уроке? Ставлю тебе единицу! — воскликнула она. И, кажется, обрадовалась своим словам: впервые с начала урока на ее лице появилась улыбка.

— За что? — вырвалось у меня.

— И ты не понимаешь, за что?

— Нет.

— Выйди из класса, тогда поймешь!

Когда я уже подходил к двери, Колька встал из-за парты:

— А ты куда? — последовал окрик учительницы.

— Я тоже уйду, — произнес Ракитин, — не привыкать...

Кажется, учительница растерялась. Последовала пауза. Колька уверенно пошел к выходу. Но когда поднялся Говорухин, она встрепенулась:

— Ты?

— Я тоже уйду.

— Всем сидеть! — опомнившись,скомандовала Елизавета Кирилловна. — Всем оставаться за партами.

Она чего-то испугалась.

Когда мы с Колькой оказались на улице, он спокойно предложил:

— Давай бросим школу. Долбили эти...

Я опешил:

— Мне нельзя.

— Почему?

— Если из школы уйду, то из драмкружка выгонят.

— Сдался он тебе! — удивился Колька. — Кружок!

Я промолчал.

Участие в постановках, те роли, которые мне доверяли играть, было для меня самое важное в школе. Все говорили, что у меня талант. И я начал с замиранием сердца верить в это. Я тайно мечтал стать настоящим артистом. Первым из нашего села!

На следующем уроке Елизавета Кирилловна подняла первым меня.

— Что вы знаете, Ватагин, о странах Восточной Африки, в частности, об Эфиопии? — Ее “вы” ничего хорошего не обещало.

Я читал в учебнике про Эфиопию, но все, что теперь делает учительница, мне казалось неправильным, не таким, каким должно быть.

— Я не буду отвечать.

Взгляды наши встретились. В ее темных глазах вспыхнул огонек, как мне показалось, какой-то радостный даже. Пока открывала журнал и искала мою фамилию, она скороговоркой произнесла:

— Вот и ладненько! Ставлю единицу. Вторую, Ватагин! Заметь, несмотря на то, что все говорят мне, что ты способный.

Дневник она у меня не потребовала. Очевидно, догадалась, что я не дам его. Из принципа. Хотя дома его у меня никто никогда не проверял.

По классу прошелестел шепоток. Она быстро его погасила, подняв для ответа нашу круглую отличницу Нинку Милютину.

И поплыл над головами четкий, уверенный голосок:

— Эфиопия находится в Восточной Африке. Столица — город Аддис-Абеба...

Я не знал, что будет дальше, но уже понял: отвечать я и в следующий раз не буду.

После урока Колька одобрил мое решение.

...Вскоре в журнале против моей фамилии стояли уже три единицы.

Когда всем в классе стало ясно, что меня “заклинило”, я не сдамся, отличница Нинка Милютинина предложила идти всем вместе к директору школы. Я наотрез отказался. Решили идти без меня. Но сложилось по-другому.

Перед очередным уроком географии меня пригласила к себе завуч Анна Трофимовна.

— Владимир, ты понимаешь, что делаешь? — строго спросила Анна Трофимовна. Она стояла, положив руку на телефонную трубку.

“Если я отвечу, что не понимаю, она будет куда-нибудь звонить, — подумалось мне, и я невольно усмехнулся своей нелепой мысли, — в милицию, пожарку? Или моим отцу с матерью, которые телефонную трубку-то ни разу в руках не держали?”

Я молчал.

Завуч продолжила:

— Хочешь быть всех умнее? Какой пример ты подаешь остальным? — голос у завуча начал звенеть. Она убрала руку с телефона. Села за стол.

— Давай договоримся: ты отвечаешь на уроке Елизавете Кирилловне. Не менее трех раз. Иначе будет двойка за четверть. Понял?

— Руку поднимать я не буду. Спросят, отвечу, — заявил я.

Поднимать руку в классе я действительно не мог. Я воспитывал в то время свою волю. Дал себе еще в шестом классе зарок: отвечать только тогда, когда спросят. Так я, молча, противостоял нашим отличникам. Мне не нравилось, как они тянули руки.

* * *

Вскоре рядом с тремя единицами по географии в журнале против моей фамилии красовались три пятерки.

— Видишь, — наставительно говорила мне Нинка на репетиции в драмкружке, где она всегда была на вторых ролях и несколько, кажется, не тузила на этот счет. — Если не своевольничать, можешь стать отличником.

А я не видел такой перспективы.

Ходить в школу расхотелось. То, что получил три пятерки по географии, мне не казалось победой. Я бредил сценой, и эта история с единицами, а по-

том пятерками казалась мне глупым спектаклем, на котором меня прилюдно высекли.

Мы перестали с Колькой Ракитиным ходить на уроки.

Не каждый день, но всё чаще оказывались на речке. Родители думали, что мы уходим в школу, в школе мы говорили, что заняты с родителями по хозяйству. Помощь родителям считалась вполне уважительной причиной, особенно для учителей, имеющих свое хозяйство.

Вскоре у нас появились и удочки на речке. Их мы домой не носили, прятали в зарослях шиповника.

Рыбак из Кольки оказался никудышный. Я впервые видел, чтобы на рыбалке сидели и читали. И кто? Колька Ракитин! Он носил с собой потрёпанную книжку.

— Откуда она у тебя? — удивился я.

— Помнишь, жил учитель на квартире у бабки Ваньковой? Когда уезжал, оставил на память... А ты знаешь, отчего бывает солнечное затмение? — сходу огорошил он вопросом.

— Нет, — произнес я.

И Колька начал рисовать прутиком на мокром речном песке Солнце и Землю. С этого дня я стал познавать азы астрономии. Колька был неистощим.

— А телескоп, знаешь, как устроен! — восклицал он.

— Нет, — отвечал я.

— Посмотри схему, тут есть.

Я откладывал в сторону удочку и принимал в руки драгоценную Колькину книжку.

Если бы даже приятель и не признался, что хочет быть астрономом, все равно это было ясно. Но он сказал мне об этом. И я почувствовал под его напором собственную слабость. Желая стать артистом, я никому не говорил об этом. Таилея. А он вот так, безоглядно: “Буду!” — и все!

— Знаешь, Венера в полтора раза ближе к Солнцу, чем к Земле, — рассказывал Колька. — Значит, там тепло! А если тепло, то есть и жизнь. Эта жизнь должна быть похожа на земную. Мы не одни, понимаешь?

...В другой раз, лежа на песке и обратив лицо к небу, Колька рассуждал:

— Утром и вечером Венера всех ярче на небе. Мне кажется, что Земля и Венера раздумывают, как сблизить свои орбиты. Когда-нибудь Венера приблизится настолько, чтобы на Земле потеплело. И тогда в самых зимних широтах зацветут сады.

— Как же это она приблизится? — удивлялся я.

— А так! — Колька смотрел на меня пристально, как географичка. — Все, что вокруг нас, кем-то создано. И продолжает совершенствоваться, улучшаться. А на Венере разумные существа. Это совсем другое дело. Венера — планета любви. Земле необходимы тепло и красота. Чтоб кругом цвели сады и пели птицы. Ты понимаешь, тогда какие люди будут!

— Какие? — спросил я, поражённый размахом Колькиной мысли.

— Какие-какие? — рассердился отчего-то Ракитин. — Не такие, как географичка Елизавета Кирилловна.

* * *

О запуске первого спутника Земли из-за пропуска занятий в школе мы узнали только вечером дома. На другой день, когда мы с Колькой шли в школу, он тормозил меня:

— Вот теперь, Володька, началось настоящее!

— Что настоящее-то? — допытывался я.

— Как что? Будем осваивать космос! Нельзя остаться в стороне!

После его слов и я поверил, что в школе теперь творится небывалое. В стране вон какие дела!

Борис Григорьевич, как ледокол, легко рассекая разноцветный ребячий поток, шел по коридору. И улыбался. Шедшие навстречу ему ученики тоже

невольно улыбались. Некоторые из них не забывали при этом прикрывать на всякий случай ухо ладошкой. Помнили его цепкие пальцы.

Никто не говорил о немедленном освоении космоса.

Вчера с утра объявили о запуске спутника. Вчера все и радовались. А сегодня в школе не было ничего “такого”. Все шло своим ходом.

* * *

Уже и берега нашей речки украсились желто-янтарным румянцем осиновых и березовых колков. И пролетных птиц не стало, а лето далеко не уходило. Было тепло и уютно.

Я потерял интерес к удочкам. Быть на реке и не рыбачить!

Частенько и подолгу, запрокинув голову, глядел в небо, такое же, как и летом, с причудливыми перьями облаков, разбросанных кем-то сверху над серебристой рекой. Глядел в хрустальную синеву, неведомо как и кем созданную. Я смотрел в бесконечность, которую стал чувствовать и к которой начинал привыкать.

Октябрь баловал нас. Он как бы дарил нам то, что мы, ребята, недополучили летом, связанные по рукам и ногам постоянной нехваткой времени из-за необходимости помогать родителям по хозяйству.

...Покров день прошел, уже не видно грибников в лесу. Прозрачный, щемяще нежный день держит нас в плену. И сегодня мы одни на берегу. И вновь никто нам не помеха. Как не хочется думать, что надо возвращаться туда, где со всех сторон очерченное правилами поведения пространство, где как бы постоянно моросит нудный осенний дождь, и бесстрастный звонок из раза в раз загоняет всех, в том числе и учителей, в маленький, словно вырубленный в теле большого увлекательного мира, узкий колодец. Этот колодец — школьный класс...

* * *

Саманная избушка Ракитиных в самом конце улицы. А улица упирается в луговое раздолье. С ильменком, наполненным, как водится, всякой живностью — и плавающей, и летающей.

Мне не было особой нужды ходить на дальний конец улицы. Наш дом посередке, а школа — почти рядом. Но там, где заканчивалась улица и распахивалась широкая желто-зеленая луговина, над головой было особое, звездоносное небо! Одно для всех. И для нас двоих с Колькой.

Возможно, эта луговина и ильменек уберегли нас от громкого скандала, связанного с нашими отлучками на речку. Мы чаще стали приходить после школы сюда, в этот необъятный класс, являющий собой часть таинственного, бесконечного мира, название которому Вселенная...

А вечерами Колька рассказывал мне о звездах, которым древние люди давно уже дали названия. Какое множество этих названий и созвездий! Они теснились в моей голове, не давая успокоиться. Созвездия Большой и Малой Медведицы, Волопаса, Гончих Псов, Медузы, Персея, Орла, Лебеда и Лирь... Я никогда раньше не слышал о таких звездах: Ригель, Сириус, Вега, Альтаир! А Колька говорил о них, не заглядывая в книжку.

* * *

У моих родителей отношение детей к школьной учебе было, как к работе. Работы и забот дома по хозяйству всегда много, но если я сидел за учебниками или шёл в школу — этому всегда отдавалось предпочтение. В школу они ни по какому поводу не ходили, оказав мне и учителям безусловное доверие.

Пропуская занятия, я чувствовал себя как мелкий воришка.

“Это все Колька, — мысленно старался я оправдать себя. И тут же недоумевал: — Но мне с ним интересно! Во всем! Его астрономия! Он может стать ученым... А с Нинкой Милотиной интересно? — почему-то возник вопрос. — Интересно, — согласился мысленно я. — Но она девчонка! И это ее стремление к пятеркам! Кроме уроков, ничего не знает. Слова роли, когда репетируем, декламирует, как стихи. Как швейная машинка, строчит, и только. Во всем правильная. Где только этому научилась?”

Однажды Колька сказал мне, что больше не будет учиться в школе:

— Матери становится все хуже. Говорит, если загнется, мне с двумя сестренками не вытянуть... Она уже переговорила с кем надо. Меня берут в поселке учеником в автомастерскую.

— А астрономия? — вырвалось у меня.

— Телескоп можно и в слесарке сделать...

Что я мог сказать? Мне и верилось, и не верилось в Колькин оптимизм.

* * *

Вскоре я тоже решил уйти из школы. Главный довод: сменился художественный руководитель в клубе. Драматический кружок, который он вел, перестал существовать.

“Буду учиться в каком-нибудь училище в городе, начну заниматься где-нибудь в драмкружке”, — так выстраивал я свои планы на будущее.

Но сказать такое родителям я не мог. Большинство наших ребят после школы уходило в мореходку, в летное училище. А я — в артисты?

Несколько дней я готовился к разговору с родителями. В школу ходил исправно. Наконец вечером, когда все были за столом, решился.

— Не хочешь учиться?! — строго сказал отец. — Живи неучем.

Я попытался объяснить:

— Мне надо куда-то, где... В ФЗУ можно...

— Володя, учебный год уже идет. Зима впереди. Куда сейчас? — осторожно начала мать.

— У тебя с учебой не ладится или с учителями? — жестко спросил отец.

Я смешался, не зная, как ответить.

— Колька тебя баламутит, — сказала мать. — Держись за землю: трава обманет.

Лицо отца сделалось кислым.

— Вольному — воля. Пускай, мать, сам решает. Пошли загонять скотину. На дворе темень.

Они в тягостной тишине оделись и вышли из избы.

Утром я молча поел хлеба с молоком и пошел в школу.

...Теперь мы с Колькой виделись редко. Он рано уезжал вахтовым автобусом на работу, поздно возвращался. Встретившись с ним вечером на улице, я удивился тому, как он изменился. Говорить он стал мало. И то как бы нехотя. И начал курить.

— Коль, — спросил я его, — чем ты на работе занимаешься?

— Аккумуляторы заряжаю...

У меня на языке вертелся вопрос про телескоп. Но я промолчал.

* * *

За неделю до Нового года внезапно умер учитель английского языка Петр Петрович Саушкин. Выходил из школы и около крыльца упал: остановилось сердце. Для нас это было нелепицей. Всю войну прошел, а тут...

Приехали из города военные: солдаты и два офицера. Один — полковник. Оказывается, учитель был военным разведчиком, и о нем писали даже в книге. А мы привыкли, что он не совсем нормальный: то трясется весь, то не в тот класс пойдет, куда надо... Мы не думали, что разведчики могут быть такими. Два боевых ордена и несколько медалей теперь лежали на красных подушечках.

Я стоял у гроба, когда подошел Колька.
— Когда он ушел добровольцем на фронт, ему было всего на два года больше, чем мне! — шепотом сказал он.
Прогрели залпы салюта...

* * *

В конце февраля наш класс взбудоражила весть. В поселке обокрали магазин. Взяли так, кое-что по мелочи. Но — кража!

Кольку забрали на глазах его бывших одноклассников два долговязых милиционера, прямо на остановке автобуса, около школы. Взяли его одного. Говорили, что в кармане спецовки у него на работе обнаружили украденные в магазине дорогие конфеты.

Ракитина увезли в город. Был суд.

Наконец Колька вернулся. Говорили, что, учитывая его возраст и то, что, кроме матери, он единственный в семье кормилец, ему дали условный срок. Я не решался напрямую спросить его об этом. Все откладывал. Отпустили, и хорошо.

Теперь Колька изменился еще сильнее. У него и походка стала другой. Шагал он теперь не спеша, резвость пропала. И взгляд! Холодный и чужой.

Нас, одноклассников, сторонился. Я шел, казалось, к своей цели: учился, драматический кружок снова стал работать. У меня все складывалось, а у Кольки нет. Я чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним.

...Гром грянул неожиданно, в мае.

К Макеевым мы приходили из любопытства. Не танцевали, а так, крутились возле. И Колька иногда появлялся. Он каждый раз выискивал глазами Таньку Кузьмичеву. Толкался рядом с ней.

Густой запах цветущей черемухи и сирени будоражил, а радостный молодой голос из проигрывателя добавлял ландышевого восторга:

— *Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет...*

Кружилась голова. Около десятиклассницы Таньки всегда вращались, как вокруг звезды, свои планеты и спутники. Она была самой яркой на здешнем небосводе. Как Вега — звезда Северного полушария.

Но вот с Колькой у них что-то не ладилось. Танька становилась рядом с ним скованной, не смеялась.

...У ворот макеевского двора в тот раз Кольке попался Валька Востриков с пугачом в руках. Колька отобрал эту “забаву” — медную трубку с гвоздём и резинкой. В такую трубку набивали серу от спичек. При ударе гвоздя раздавался хлопок.

Колька от нечего делать крутил заряженный пугач в руках. Танька выскочила из круга танцующих и нечаянно наткнулась на Кольку. Пугач выстрелил — лицо Таньки опалило пламя.

Зажав ладонями лицо, Танька закричала. Круг танцующих замер. Таньку вскоре увезли в больницу. Колька куда-то исчез.

...У Ракитиных над калиткой, на толстых столбах, лежала потемневшая от времени перекладина. Накинув на нее брючный ремень, Колька в тот же вечер повесился.

Утром Кольку обнаружил, собирая коров в стадо, пастух Василий Супонь.

— Чуть-чуть одной ногой Коляй-то чиркал по земле. Мог и не удушиться. А могла и жердинка-то не выдержать, тогда б... Во второй раз не каждый решится, — рассказывал всем пастух.

— Это я недоглядела. Я всё... — сокрушалась мать Кольки и ходила по двору словно заблудившись.

Танька вышла из больницы такая же розовощекая, как и раньше. Глаза ее, кажется, смотрели еще лучистей и зорче.

* * *

В десятом классе у нас появилась учительница по астрономии. Пухленькая блондинка Ольга Васильевна приехала из города.

Учительница с первого же урока завладела классом. Ее нельзя было не слушать.

— Удивительно, какие разные все звезды! — произнесла она, тряхнув золотистой прической. И мы молча разделяли ее удивление.

— Они, как люди: рождаются, живут, стареют и умирают...

Все в классе, затаив дыхание, слушали.

— У каждой своя судьба, — продолжала Ольга Васильевна.

Она говорила, а я думал о Кольке. Колька — всего лишь маленькая частичка той галактики, которую зовут человечеством. Всего лишь точка. Но ведь и наша необъятная Вселенная началась миллиарды лет назад тоже из одной точки, у которой не было ни пространства, ни времени. А теперь у нее нет ни конца, ни края.

Из Кольки могло получиться что-то огромное. Не только наша школа и село... Страна...

Если Ольга Васильевна спрашивала, в классе возникал лес рук.

Мы все влюбились в нее.

Как-то раз, забыв о своем правиле, и я поднял руку. Краем глаза я видел, как Нинка улыбнулась при виде моей поднятой руки.

Учительница спросила меня. Я знал материал, но, отвечая, разволновался.

“Кольку бы сюда, — подумалось мне. — Он бы так ответил, все бы рты разинули...”

Учительница внимательно слушала мой ответ. Класс в удивлении притих.

— Достаточно, Ватагин, — остановила меня Ольга Васильевна, — урок ты знаешь. Знаешь даже больше того, что дано в учебнике. Поразительно! Но следи, пожалуйста, за речью. Нельзя скакать с одного на другое.

Ее золотистые брови шевельнулись, она произнесла мягким голосом:

— Ставлю четверку. Но уверена: в следующий раз будет пятерка!

Следующего раза не получилось.

Золотистая Венера, как мы успели ее прозвать, неожиданно заболела и уехала. Говорили, что на время. Оказалось, навсегда.

Мы ожидали, что таким же маневром воспользуется и Елизавета Кирилловна. Но она стала нашим классным руководителем. А позже, после смерти матери Кольки, выхлопотала и забрала к себе жить двух его сестренок, Надю и Любу, которых собирались отдать в детский дом.

* * *

После того как наши космические станции побывали на Венере, многое произошло. На планете Венера, которая нам казалась раньше обителью Любви и Красоты, оказалась испепеляющая жара. Атмосфера ее пропитана кислотами и серой. Жизни на Венере совсем нет: об этом теперь знает любой ученик старших классов. И потепление, о котором говорил Колька, для нашей Земли может оказаться губительным.